

- Новые профессионалы — студенты и молодые специалисты, занятые в архивной сфере менее пяти лет. В фокусе исследования были ожидания и потребности молодых архивистов.
- Развитие архивной науки. Коллеги из США выступили с критикой основных принципов и понятий, принятых еще в XIX веке. По мнению представителя Национального института стандартов и технологий, это мешает полноценному применению ИТ-технологий и трансформации отрасли.
- Аудитория архивов. Архивисты из Франции задались вопросом, изменилась ли архивная публика в связи с интернет-бумом 2000-х. Оглашены результаты трех исследований 2013–2014 годов, в которых участвовали 25 тысяч респондентов из сотен архивов.
- Корейский опыт. Управление старыми (нестандартными) электронными документами, хранение электронных документов частным поставщиком услуг, концепция «Правительство 3.0».
- Облачные и мобильные технологии, большие данные.

#### Голоса из России

Присутствие нашей страны на архивных «олимпийских играх» было малозаметным. Из 256 докладов от страны было четыре. Голоса российских делегатов терялись в «партиях» корейских, китайских, французских, австралийских, американских и японских коллег.

Участники из России обратились к вопросам доступа к архивным источникам через интернет-ресурсы (Владимир Тарасов, Росархив), культурной дипломатии (Татьяна Горяева, РГАЛИ) и отражения истории Кореи в российских архивах (Александр Торопов, РГИА ДВ).

Нетривиальный доклад представил сотрудник компании АВВУУ Михаил Михалёв. Он показал, что программное обеспечение для распознавания текстов на миноритарных языках может способствовать достижению высокой социальной цели — равенства архивов титульных наций и национальных меньшинств.

Ведущий отечественный специалист в области управления архивами и документами Наталья Храмцовская стала соавтором доклада, посвященного проблемам долговременной сохранности электронных документов с помощью отметок времени и технологии блокчейн. Коллективную работу презентовал ее коллега из Хорватии Хрвое Станчич.

Не считая нескольких сообщений на сайтах федеральных архивов и блога Натальи Храмцовской, можно сказать, что важнейшее событие мирового архивного сообщества осталось в стороне для многих российских архивистов. Между тем знание зарубежного опыта помогает формулировать жизнеспособные цели и программы, находить новые методы и практики работы с документами, с аудиторией и с самим собой.

«Мы находимся в самом центре сети, охватывающей увлеченных интеллигентных людей. Наша роль — свести их вместе, помочь им расти и взаимодействовать друг с другом, предоставить с этой целью необходимые ресурсы, а также энергетически «подпитать» эту сеть общения и укрепить образующие ее связи», — так самоопределяются в ICA. И так определяют всех, принявших участие в конгрессе.

Фото: [www.flickr.com/search/?text=ica%20congress%202016](http://www.flickr.com/search/?text=ica%20congress%202016)

НААР

## Архивная педагогика: вызов времени — принимаем!



*Пермский архив — первый государственный архив в стране, который хорошо осязаем в медийном и культурном пространстве. А с недавних пор еще и в образовательном. Сотрудники архива — первые, у кого хватило профессионализма, чтобы внедрить практику архивной педагогики и приблизиться к созданию единственного в России архивно-университетского кластера. За подробностями к директору ГАПК, кандидату исторических наук, доценту Андрею Борисову.*

#### Об открытости

— Парадигма знаний меняется. Открытые университеты, библиотеки, музеи, в которые можно «зайти» из дома. С некоторым опозданием — архивы. Об открытости заговорили и в Росархиве. Принцип открытости закреплен в новом положении агентства, принятом в конце июня. Некоторые уже приравнивали открытость к «рассекреченности» фондов. Как, исходя из вашего опыта, может воплотиться этот принцип в работе архива?

— Архивы, как и музеи, библиотеки, университеты, не могут находиться в стороне от стремительных изменений в цифровой сфере. Для пользователей важен удобный и быстрый доступ к документам, в том числе через Интернет. Предоставление расширенного доступа к ретроспективной информации — важнейшая

составляющая государственной политики в сфере архивного дела на территории Пермского края. Но это лишь одна сторона открытости. Для нас принцип открытости — это прежде всего ориентация на человека. Быть открытым — значит работать в интересах тех, кто к нам обращается. Быть открытым — значит сотрудничать с учреждениями культуры, науки и образования, инициировать совместные сетевые проекты. Быть открытым — значит не бояться критики и внешней экспертной оценки. Поэтому мы смело рассказываем о себе и своей деятельности в СМИ и социальных сетях, не опасаясь проводить «Ночи в архиве» и «Архивные фестивали», прислушиваемся к мнению членов научного совета и молодежного совета архива, идем в образовательные учреждения.

Когда мы говорим об открытости, речь не идет об ослаблении сохранности, о тотальной «рассекреченности» фондов. Безопасность документального наследия региона — первоочередная задача архива. Однако открытость не противоречит сохранности. В случае с сохранностью мы говорим о системе «архив — документ», в случае с открытостью — о системе «архив — человек».

### Архивно-университетский кластер

— В конце июня Пермский архив объявил о создании базовой кафедры историко-документального проектирования в НИУ ВШЭ. Что такое историко-документальное проектирование?

— В широком смысле проектирование — это деятельность по созданию некоего прототипа, прообраза объекта или его состояния. Наряду с традиционными видами проектирования в последнее время появляются и такие, которые напрямую вторгаются в социальную или гуманитарную сферы жизни. Например, социальное, экологическое, инженерно-психологическое, генетическое проектирование, а также проектирование трудовых процессов, организаций и прочее. Историко-документальное проектирование представляет собой создание, конструирование или реконструирование образов и прообразов исторических «объектов», событий, процессов на основе архивных документов.

— В самом названии «проектирование» слышится процессный подход. Какие «процессы» должны освоить ваши студенты?

— Вы правы. В современной теории образования эти «процессы» называются компетенциями. Образовательная миссия кафедры историко-документального проектирования состоит в том, чтобы сформировать у студентов практические компетенции в сфере информационных исторических технологий, цифровой истории, архивной информатики, менеджмента и маркетинга историко-культурных проектов и прочего. Эти компетенции призваны дополнить круг классических академических компетенций студентов-историков, обучающихся в Высшей школе экономики.

— Как бы вы оценили текущий уровень подготовки архивистов в России (или Перми)? У каких отечественных и зарубежных учреждений можно заимствовать успешный опыт преподавания?

— Лучшая подготовка архивиста — это историческое образование, позволяющее рассмотреть документальное наследие особой оптикой, увидеть за документом

не тлен, а жизнь, не просто факты, а процессы, логику событий. Качественное историческое образование немисливо без историософии, которая позволяет преодолеть «ползучий» эмпиризм и дает возможность воспарить над документами, то есть концептуализировать, размышлять широко и контекстно. К сожалению, представление об исторической науке как некоем «шампуре» из фактов до сих пор в полной мере в России не преодолено. Во всяком случае мне так кажется! Тем не менее готовить специальным образом архивистов в университетах не имеет смысла. А вот создавать комплекс условий для тех студентов, кто пожелал бы связать свою судьбу с архивным делом, необходимо. Одним из выходов видится создание архивно-университетских кластеров, которые не только способны на более качественном уровне сформировать профессиональные компетенции, но и романтизировать профессию архивиста, прекратить «отрицательный» отбор в профессию. Студентам нравится заниматься анимацией или, иначе говоря, оживлением документального наследия посредством создания историко-культурных проектов. И это важный ход романтизации архивного дела. В Государственном архиве Пермского края на должность архивиста среди молодых людей конкурс. Это говорит о том, что им здесь интересно, их притягивает качественная среда. В конкуренции за профессионала играет роль не только денежное вознаграждение за работу, но и состояние архивной среды, ее качество.

В системе высшего образования сегодня обострена конкуренция. Конкурентные университеты берут своей средой. И это не только качественный профессорско-преподавательский состав, но и качественный абитуриент. В таком случае создается необходимое поле напряжения, вырабатывается энергия движения вперед. Из российских университетов такой энергией обладают Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Европейский университет в Санкт-Петербурге. Это наиболее энергичные и динамично развивающиеся университетские структуры. Из классических университетов держат марку Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет. К ним подтягивается Российский государственный гуманитарный университет, который, как известно, появился на базе Историко-архивного института. Он, собственно, и готовит архивистов. Об их востребованности лучше спросить у коллег из РГГУ. Что касается западных университетов, то я бы отдал пальму первенства англосаксонским. В Великобритании — это Оксфорд и Кембридж. В Соединенных Штатах — университеты «Лиги плюща»: Гарвард, Стэнфорд, Йельский университет. В Европе — Гейдельбергский университет в Германии. Все вышеназванные университеты отличают в плане подготовки историков мощное историософское ядро, солидная источниковедческая подготовка и узкая специализация. Там нет такой задачи, чтобы изложить всю мировую историю «от и до». Но есть иная задача — дать студентам ключ, которым они могли бы открыть дверь в профессию историка и добрать самостоятельно те знания, которые им необходимы. Главное — сформировать профессиональное мышление с необходимыми опциями, а не напихать в голову студента некую совокупность знаний.

### Архивная педагогика и новый образовательный стандарт

— Выступая на международной конференции в ВШЭ в марте этого года, вы обозначили важное направление работы госархива — архивную педагогику. Российские архивы уже знакомы с некоторыми способами привлечения юной аудитории (выставки, конкурсы, экскурсии). При этом вы назвали архивную пе-

дагогика инновационным ресурсом для современной школы. В чем ее инновационность?

— Организация выставок, проведение конкурсов и экскурсий для школьников само по себе еще не является архивной педагогикой. Архивно-педагогическая деятельность — это систематическая деятельность архива, направленная на достижение конкретного образовательного результата у учащихся, а именно на формирование набора компетенций. Перечень этих компетенций прописан в новом федеральном образовательном стандарте, обязательном для всех школ. Благодаря новым требованиям и возникает заинтересованность школ в архивах. Поясню. На смену традиционной триаде «знания, умения, навыки» пришла новая — «компетенции, деятельность, среда». Педагог уже не дает знания в готовом виде. Он организует работу учащегося таким образом, чтобы тот сам находил решение проблемы. Образовательный процесс строится вокруг личности учащегося. Компетенции формируются в деятельности и в ней же находят свою реализацию. Формирование компетенций оказывается возможным только в специально созданной образовательной среде. Это подталкивает школы преодолевать узкие рамки учебных классов и обращаться к поиску новых пространств и сред, где процесс формирования компетенций мог бы протекать в деятельном ключе, а педагог — занять место посредника и регулятора этого процесса. Одним из таких мест внеклассного образования может и должен быть архив.

— Какие требования нового образовательного стандарта школы могут выполнить при участии архива?

— Архивы могут содействовать формированию ряда предметных компетенций, например, по отечественной истории, обществознанию, литературе, музыке, а также предметов цикла МХК. Архивно-педагогическая деятельность может способствовать достижению метапредметных результатов, например, формированию умений планировать, работать в группе, оценивать собственную работу и другим. Среди требований, относящихся к личности учащегося, я бы выделил несколько направлений.

Первое — гражданское воспитание. Работа школьников с архивными документами родного города, края, страны, а также участие в проектной деятельности с использованием этих документов создают условия для проявления уважительного отношения к документальному и культурному наследию, побуждают к конструктивной и творческой деятельности. Это также способствует формированию культуры памяти, которое является существенным элементом социальной миссии архивов.

Второе — осознание значения семьи в жизни человека и общества, принятие ценности семейной жизни. Значимость изучения семейной истории особо отмечена в стандарте начального образования. Где, как не в архиве, школьники могут познакомиться с практикой составления родословной и восстановлением семейной истории? Соотношение личной истории с историей города, края и страны помогает учащимся обрести историческую идентичность.

Третье — воспитание толерантного морального сознания, уважительное и доброжелательное отношение к другому человеку. Изучая личные фонды, биографические документы, фотографии, письма, воспоминания, аудиозаписи, видеодокументы, учащиеся погружаются в жизненный мир других людей. Они расширяют свой сенсорный, эмоциональный и интеллектуальный опыт, развивают эмпатийное мышление и эмоциональный интеллект.

Четвертое — формирование коммуникативной компетентности при общении с людьми разного возраста и статуса, способности выстраивать конструктивный диалог. Коммуникативные способности развиваются при общении с педагогом и сверстниками в процессе интерпретации архивных документов. Работа с документами также позволяет получить навыки исторической коммуникации.

— Какие практики вы внедрили у себя в архиве?

— В рамках архивно-педагогической деятельности в 2015–2016 учебном году в Государственном архиве Пермского края было проведено более полусотни тематических экскурсий по фондам, организованы образовательные выставки, интерактивные занятия по интерпретации документов («архивная герменевтика»), викторины, исторические игры и квесты, олимпиады, конкурсы и конференции для школьников. Все мероприятия имели своей целью формирование у учащихся определенного набора компетенций на основе работы с архивными документами из наших фондов.

### Менеджмент в архивном деле

— Просветительская деятельность архива охватывает не только школьников и студентов, но и работников архивов. Вы проводите курсы по менеджменту в архивном деле и знакомите архивистов с основами управления, маркетинга и связей с общественностью. Очевидно, что за этим стоит новое понимание архивной профессии. Как бы вы определили роль архивиста в современном социальном пространстве? На какие вызовы он должен дать внятный ответ?

— Роль архивиста в современном социальном пространстве неуклонно возрастает, однако сами архивисты этого не замечают. Это обстоятельство не случайно. Архив как институт хранения документов находится сегодня в ситуации интеллектуального кризиса, переосмысления. Традиционные представления об архиве, его сущности и роли в обществе нуждаются в серьезном пересмотре. Современность требует разработать новую концепцию архивной отрасли, новую философию и миссию архивов (на Западе она фигурирует как концепция Archives 2.0). Такая концепция должна не только помочь архивам адаптироваться к постоянным и стремительным изменениям в сфере обмена информацией, но и сделать архивы способными управлять этими изменениями и направлять их. Четыре основных вызова: openness (открытость), usability (удобство пользования), existence (уникальность существования), security (требование безопасности). Быть в ситуации кризиса — значит находиться перед лицом вызовов. Такие вызовы стоят сегодня перед архивной отраслью.

Первый вызов можно обозначить как требование открытости. В западных архивах openness (открытость) давно фигурирует как ценность и принцип деятельности любого архивного учреждения. Для нас же это скорее некая перспектива, чем реальность. Российские архивы — это учреждения закрытого типа. Эта закрытость во многом оправдана необходимостью обеспечения сохранности документов, наличием документации разной степени секретности и прочим. Но для наших архивов закрытость — это, кроме всего прочего, еще и психологический, ментальный феномен. Архивист мыслит себя гарантом неприкосновенности хранимого, а заодно и его единоличным пользователем. Подобная установка приводит к тому,

что архивы целиком центрируются на хранении документов, а потому конечной целью их деятельности становится не человек, а документ. Архивы оказываются замкнутыми на самих себе. Крен в сторону хранения (документоцентризм) отодвигает на второй план отношение с пользователем (читателем, исследователем), делая это отношение проблематичным. Недаром французский исследователь в области архивного дела Венсан Дюклер называет такие архивы «проблемными». Второй вызов — требование удобства пользования архивом (юзабилити). Это не праздное требование и не излишество. Это настоящий вызов, от грамотного ответа на который зависит место традиционных архивов в информационном обществе. Мы живем в эпоху сверхбыстрого Интернета, относительно свободного доступа к скачиванию файлов, мощных поисковиков и терабайтовых дисков. То, к чему люди привыкли, пользуясь Интернетом и социальными сетями, они хотят получить и от работы с архивом: открытость и полнота информации, доступная и дружелюбная форма подачи, простой и оперативный поиск, максимальная скорость исполнения запросов. Нетрудно заметить, что юзабилити тесно связано с открытостью и является ее стороной, аспектом.

Третий вызов можно назвать экзистенциальным. Это высокое требование к архивным учреждениям, связанное с экзистенциальным запросом общества на конструирование его исторической идентичности и актуализацию исторической памяти. Иными словами, речь здесь идет о той роли, которую играют архивы в формировании культуры памяти (мемориальной культуры). Конечно, этот общественный запрос адресован не только архивам, но и школам, вузам, музеям, библиотекам, театрам. Это обстоятельство, однако, только усиливает серьезность вызова: архивы должны занять ключевое место в этом процессе. Таким образом, мы говорим здесь о специфически архивной миссии, которая, как следует из сказанного, также нуждается в пересмотре.

Четвертый вызов — закономерное следствие первых трех. Этот вызов можно обозначить как требование безопасности. Любой шаг в направлении открытости должен сопровождаться усилением системы безопасности архивов и хранящихся в них архивных документов. Требования к сохранности тем выше, чем сильнее ориентация архивного учреждения на использование архивных документов.

### О самообразовании

— **Могли бы вы порекомендовать современные книги, которые были бы полезны архивистам для профессионального и общего развития?**

— Я исхожу из того, что архивист — это прежде всего историк, работа которого немыслима без постижения философии истории, хотя бы ее основ. Профессиональный историк должен преодолевать ползучий эмпиризм, когда история уподоблена «шампуру» из фактов. Историк должен быть способен осмысливать факты, воспарить над ними, чтобы не только пересказывать историю, но и объяснять ее. Первой книгой, на мой взгляд, должна идти работа французского историка Антуана Про «Двенадцать уроков по истории». Несмотря на незамысловатое название, книга представляет собой серьезный труд. В основе книги лекции, прочитанные автором в университете Сорбонны. Профессор Про, в сущности, раскрывает различные методологические подходы к исторической науке с опорой на тексты выдающихся историков. И делает это легко и с юмором.

Еще одна важная книга — это работа Хейдена Уайта «Метаистория», которая ознаменовала собой лингвистический поворот в исторической науке. Уайт рассматри-

вал особенности исторического повествования крупнейших историков XIX века и пришел к выводу об использовании ими литературных приемов для достижения целостности повествования. Когда исторической информации не хватало, ученые заменяли ее тропами или, иначе говоря, «фигурами переосмысления». Так рождалась специфическая интерпретация истории.

Одним из важных авторов также является Франклин Анкерсмит, в активе которого ряд серьезнейших историософских книг. Но я порекомендую одну из них, которая называется «Возвышенный исторический опыт». Эта книга на сегодняшний день единственное крупное философское произведение, непосредственно посвященное теме исторического опыта, и заслуживает того, чтобы считаться поворотным (а значит, во многом и критическим) пунктом в развитии исторической теории. До сих пор главным проводником по бесконечному лабиринту культуры понимания и изучения прошлого выступал язык исторических сочинений. Анкерсмит предлагает отказаться от помощи языка и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого. Откуда взяться такому опыту и как вообще его можно себе представить? В способе ответа на этот вопрос и заключается главная интрига книги.

Трудно обойти вниманием двухтомник отечественных историков Ирины Савельевой и Андрея Полетаева (к сожалению, рано ушедшего от нас) «Знание о прошлом: теория и история», в котором представлены возможности и варианты конструирования прошлого, а также его образы в исторической науке.

Я бы изменил себе, если бы не отметил из-за сложности текста книгу философа Поля Рикера «Память, история, забвение». Здесь с точки зрения феноменологической герменевтики анализируются проблемы истории в связи с такими явлениями, как память и забвение. Почему историческая память избирательна? Почему порой забвение говорит историку больше об историческом процессе, нежели память? Как возможно изучать забвение? Об этом повествует книга французского герменевта.

В продолжение идей П. Рикера Алейда Ассман написала очень интересную книгу «Длинная тень прошлого». В книге предпринята впечатляющая попытка обобщения теоретических дебатов о том, как складываются социальные представления о прошлом, что стоит за человеческой способностью помнить и предавать забвению, благодаря чему индивидуальное воспоминание есть не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, отражающий культурный контекст самого вспоминающего.

Совсем свежая книга Александра Эткинда «Кривое горе» повествует о горе по жертвам советских репрессий, о культурных механизмах памяти и скорби. Горе воспроизводит прошлое в воображении, текстах и ритуалах, оно возвращает мертвых к жизни. Культурная память — это сложная среда, в которой сосуществуют жертвы, палачи и свидетели преступлений.

И в завершение списка следует упомянуть книгу, которая, наверное, должна была идти первой — это «Открытое произведение» Умберто Эко. Автор выдвигает идею незавершенности произведений культуры, их открытости для разнообразных интерпретаций. В центре внимания автора — феномен «открытого произведения», в котором резко возрастает роль «исполнителя», не просто предлагающего ту или иную трактовку, но становящегося реальным соавтором.

Разумеется, что представленный мною список весьма субъективный, но полезный. Прежде всего с точки зрения развития профессионального мышления.

Беседовала Светлана Бузенкова